Элла Раун

Гинеколог для пышки

Полное подчинение

18+

Элла Раун

Гинеколог для пышки. Полное подчинение

«Автор»
2026

Раун Э.

Гинеколог для пышки. Полное подчинение / Э. Раун — «Автор», 2026

Двадцать пять лет, пышное тело, которое она всю жизнь стеснялась, и годы без мужчины. Вера приходит на приём к новому гинекологу, даже не подозревая, что этот визит перевернёт её жизнь. Вадим Сергеевич — строгий, властный, с руками, которые знают больше, чем положено врачу, — ставит неожиданный диагноз и предлагает терапию, стирающую грань. Сеанс за сеансом её тело пробуждается, страхи отступают, а доверие перерастает в нечто большее... Но кто на самом деле лечит, а кто учится чувствовать заново?

© Раун Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Элла Раун
Гинеколог для пышки. Полное подчинение

Глава 1

Направление в руках дрожит. Мелкая, предательская дрожь, которую не унять, сколько ни сжимай плотный листок. Я смотрю на имя врача — Вадим Сергеевич, — и оно не вызывает внутри ничего, кроме глухой волны паники. Старый доктор, женщина, что вела меня годами, вышла на пенсию. А этот… я ничего о нём не знаю.

Коридор частной клиники тонет в прохладном, стерильном свете. Стены цвета слоновой кости, никаких плакатов о здоровье, только приглушённый аромат сандала. Медсестра скользит по мне безразличным взглядом и кивает на дверь:

— Раздевайтесь за ширмой. Рубашка на кушетке. Врач ждёт.

Ждёт. Одно это слово заставляет сердце сжаться в тугой, болезненный комок.

Я толкаю дверь и вхожу в полумрак. Здесь всё иначе. Жалюзи опущены, дневной свет пробивается тонкими, золотыми полосками. У стены — гинекологическое кресло, обитое тёмно-серой кожей, массивное, но не пугающее. Стеклянный шкаф с препаратами, идеальная чистота. Инструменты на полках тускло поблёскивают, но сегодня они не понадобятся. И запах. Кроме антисептика — что-то мужское. Терпкое, древесное, с горчинкой. Так пахнет кожа после душа, смешанная с дорогим парфюмом без сладости.

Он стоит у окна спиной ко мне. Белый халат натянут на плечах — широких, развёрнутых, какие бывают у тех, кто годами работает с собственным весом. Ткань не скрывает, а подчёркивает рельеф: трапециевидные мышцы, переходящие в сильную шею, сужающийся к пояснице разворот спины, узкие бёдра. Рукава халата закатаны до локтей, обнажая предплечья — жилистые, с тёмными волосами и проступающими венами. Пальцы длинные, костяшки крупные, ногти коротко и безупречно острижены. Он поворачивается, и воздух застревает у меня в горле.

Вадим Сергеевич.

Высокий, выше меня на голову. Челюсть тяжёлая, волевая, губы строгие, почти резкие, но верхняя губа чуть полнее нижней — единственная уступка чувственности в этом суровом лице. Тёмные глаза смотрят прямо, изучая, взвешивая, и в их глубине горит холодный, спокойный огонь превосходства. Короткая стрижка, лёгкая щетина, придающая ему не небрежности, а ещё больше опасной, привлекательности. Шея открыта, и я вижу, как двигаются мышцы, когда он наклоняет голову, оглядывая меня с ног до головы. Не врач смотрит на пациентку. Мужчина смотрит на женщину.

— Вера. Проходите. Карту сюда.

Голос — низкий, баритональный, с лёгкой хрипотцой, как будто он только что молчал несколько часов. Он не спрашивает, не предлагает. Он ставит перед фактом. Мои кеды бесшумно ступают по плотному покрытию пола. Я кладу карту на стол, и мои пальцы — пухлые, с ямочками на костяшках — едва не касаются его пальцев. Мгновение растягивается, пока он не отступает на шаг и не указывает на ширму в углу.

— Всё снимайте. Оставьте только рубашку. Она должна быть свободной.

За ширмой я остаюсь одна. Руки дрожат, но это не холод кабинета — это осознание собственной уязвимости. Я стягиваю джинсы, они туго идут по широким бёдрам, оставляя красные полосы на белой, чуть рыхловатой коже. Трусики — простые, хлопковые, без кружев, и от этого ещё более жалкие в этой дорогой, продуманной обстановке — летят на стул. Бюстгальтер расстёгиваю, и грудь, тяжёлая, налитая, выпадает из чашек. Я мельком вижу себя в отражении стеклянного шкафа: пышные плечи, большая грудь с широкими тёмными ареолами и мягкими, розовато-коричневыми сосками, округлый живот, переходящий в широкие бёдра. Складки на боках, полные икры, лодыжки. Я — не та, кого рисуют в журналах. Я — другая. Слишком много плоти, слишком много всего.

Рубашка — короткая, стерильно-белая, пахнущая больницей — едва прикрывает верхнюю треть бёдер. Ткань натягивается на груди, пуговицы едва сходятся, и я машинально придерживаю ворот рукой, пряча глубину ложбинки.

Выхожу. Босые ступни касаются прохладного пола, и каждый шаг отдаётся где-то в низу живота. Вадим Сергеевич сидит на низком вращающемся стуле рядом с креслом, заполняя что-то в моей карте. Он не смотрит на меня — и от этого ещё страшнее. Я забираюсь на кресло, кожаная обивка холодит ягодицы, и рубашка задирается, открывая бёдра почти полностью.

— Ноги на держатели. Разведите шире. Не сводите колени, — говорит он, всё ещё не поднимая глаз.

Я подчиняюсь. Холодный металл держателей под коленями, ступни безвольно свисают. Поза полностью раскрытая, беспомощная. Он наконец отрывается от записей, разворачивается ко мне всем корпусом, и теперь нас разделяют какие-то жалкие сантиметры.

Его взгляд скользит по моему телу — по рубашке, натянутой на груди, по округлому животу, по широко разведённым бёдрам, по голым икрам. Не оценивает, не раздевает — осматривает. Профессионально и цепко. Но что-то в глубине его тёмных глаз загорается на долю секунды и гаснет.

— Наклонитесь назад, — он нажимает рычаг, и кресло плавно откидывается.

Теперь я смотрю в белый потолок, но каждой клеткой кожи чувствую его присутствие. Его дыхание, его запах, его тепло. Рубашка окончательно задирается, и я знаю: он видит всё. Мои полные ляжки, складочки на боках. Я зажмуриваюсь, и краска заливает щёки, спускается на шею.

— Половая жизнь? — вопрос резкий, прямой, без предисловий.

— Несколько лет… — голос сиплый, чужой. — Никого не было.

Тишина. Густая, как кисель. Он не комментирует. Не хмыкает. Не удивляется. И от этого его молчания мне ещё стыднее, чем от любого вопроса.

— Ясно. Это объясняет вероятный гипертонус. Мышцы тазового дна, скорее всего, спазмированы. Сейчас проверим. Постарайтесь расслабиться, хотя заранее знаю — не сможете.

Он встаёт. Слышу, как открывается упаковка перчаток. Тугой, влажный щелчок латекса, натягиваемого на пальцы. Затем — лёгкий металлический звук: он открывает тюбик со смазкой. Холодный гель, я знаю, сейчас коснётся меня.

— Не напрягайте живот. Дышите ртом. Медленно и глубоко.

Первое прикосновение — к внутренней стороне бедра. Сухое, тёплое, твёрдое даже через латекс. Он разводит мои ноги ещё шире, уверенно, без колебаний. Пальцы касаются больших половых губ, раздвигают их — медленно, аккуратно, но властно. Я задерживаю дыхание, и он тут же реагирует:

— Вдох. Я сказал — дышите.

Я вдыхаю резко, судорожно, и в этот момент его палец начинает входить. Прохладный гель скользит по слизистой, облегчая проникновение, но узость всё равно ощущается остро. Мышцы сжимаются, выталкивая вторжение, и возникает лёгкое, терпимое жжение. Тесно. Так тесно, что собственное тело кажется мне чужим, враждебным.

Он останавливается, давая привыкнуть. Палец внутри меня — длинный, твёрдый, абсолютно неподвижный. Я чувствую каждую костяшку, каждую фалангу.

— Давно без мужчины, — произносит он негромко, и это не вопрос. — Ткани эластичные, но спазмированные. Слизистая истончена, увлажнения почти нет. Влагалищное кольцо плотно сжато. При такой клинической картине полноценный половой акт будет либо очень болезненным, либо невозможным.

Он продвигается глубже, поворачивая запястье, и кончик пальца задевает что-то внутри — шероховатую, особо чувствительную точку. Я резко выдыхаю, бёдра дёргаются.

— Тихо, — его голос спокоен. — Это передняя стенка влагалища. Здесь скопление нервных окончаний. Её чувствительность в норме, реакция адекватная. Хороший знак.

Он извлекает палец медленно, с лёгким, влажным звуком, и я готова провалиться сквозь землю. Кресло с тихим жужжанием возвращается в сидячее положение. Вадим Сергеевич стягивает перчатки, бросает их в контейнер, моет руки в раковине — долго, тщательно, каждую фалангу. Я смотрю на его спину, на то, как двигаются мышцы под халатом, и не могу отвести взгляд.

— Одевайтесь и присядьте. Обсудим лечение.

За ширмой я натягиваю трусики, и ткань касается того места, которое всё ещё пульсирует, всё ещё помнит его прикосновение. Джинсы с трудом натягиваются на влажные после геля бёдра. Я выхожу, сажусь на стул напротив его стола, и колени предательски сжаты.

Он смотрит на меня поверх экрана монитора, и в этом взгляде — спокойная, непоколебимая власть. Человек, который только что был внутри меня, который знает обо мне то, что я сама скрывала годами.

— Стандартное гинекологическое обследование вам сейчас ничего не даст. А мышечная ригидность требует коррекции. Я предлагаю курс специального массажа тазового дна. Мануальное воздействие на мышцы влагалища и окружающие структуры. Это восстановит эластичность, снимет хронический спазм. Без этого половая жизнь так и останется для вас зоной боли или будет вовсе невозможна.

Он откидывается на спинку кресла, и халат натягивается на груди. Я вижу контуры мощных грудных мышц, проступающих даже сквозь ткань. Он скрещивает руки, и бицепсы округляются, наполняя рукава.

— Мои пальцы будут внутри вас, глубже и дольше, чем при обычном осмотре. Основная цель — расслабление и контролируемое растяжение. Это может вызывать специфические ощущения. Вам придётся доверять мне полностью. Я не делаю больно. Но будет интенсивно. И интимно. Вы должны понимать это и дать согласие.

Я сжимаю в кулаке край кофты. Доверять. Ему. Этому человеку с властным голосом, железными мышцами и руками, которые только что были внутри меня и нашли всё, что я так старательно прятала. Внутренности скручивает нечто среднее между ужасом и острым, запретным любопытством. Несколько лет пустоты. Несколько лет страха, что моё тело уже не способно принять мужчину. И вот он — тот, кто говорит об этом спокойно, как о решаемой задаче.

— Хорошо, — произношу я. — Я согласна.

Он кивает, никак не выказывая одобрения.

— Тогда через неделю, вторник, то же время. За эту неделю — никакой мастурбации и попыток самостоятельного растяжения. Только навредите. Дайте телу забыть старые паттерны напряжения. Я запишу вас на курс из нескольких сеансов.

Я выхожу из кабинета, и мир за дверью кажется приглушённым, нереальным. Ноги ватные, внизу живота — ноющая, тянущая пустота, которой раньше не было. Я иду по коридору и чувствую, как влага стекает по внутренней стороне бедра, как соски трутся о грубую ткань бюстгальтера, набухшие и болезненно чувствительные.

Я оглядываюсь на дверь кабинета, прежде чем выйти. За ней — он. Вадим Сергеевич. Мужчина, который за одно посещение перевернул что-то в самой моей сути, заставив меня одновременно бояться и ждать.

Ждать следующего вторника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.